

П. Д. Боборыкин. – «За полвека». (Мои воспоминания). Редакция, предисловие и примечания Б. П. Козьмина. «Земля и Фабрика» 1929 г. Стр. 383. Цена 3 р. 85 к.

Автор предисловия прав, говоря, что недостатки Боборыкина – беллетриста (бледность темперамента, слабость фантазии, протокольность описаний) являются достоинствами его, как мемуариста. По свойствам своей писательской натуры это был, по-видимому, прирожденный летописец, и лишь господствовавший в его время культ беллетристики, и в частности романа, увлек его на этот, оказавшийся для него не очень славным путь.

Тех читателей, которые и к мемуарам относятся беллетристически, т. е. ищут в них, прежде всего, острого и занимательного чтения, воспоминания Боборыкина несколько разочаруют: написанные ровно и спокойно, обремененные подчас утомительными подробностями, они не грешат привязанностью к красному словцу и к анекдоту ради анекдота.

Зато, рассчитанные, исключительно на сообщение, они тем ценнее в глазах того читателя, для которого мемуары прежде всего – исторический источник. В этом смысле непритязательные и не мудрствующие лукаво «воспоминания» Боборыкина добросовестны настолько, что ими, кажется, можно поверять другие, менее надежные мемуары, относящиеся к той же эпохе (Панаевой, Григоровича).

Разумеется, известная деформация материала, как это отмечено в предисловии, имеется и здесь.

Как бы боясь быть заподозренным в классовом характере своих симпатий и антипатий, автор воспоминаний настойчиво подчеркивает в себе «дух независимости», нежелание «поддаваться модному поветрию», и эта реабилитация мрачной и жестокой старины проходит у него как бы под флагом сопротивления шаблонирующей традиции.

Но любопытно, что, став однажды в эту позицию и как бы желая быть верным своей автохарактеристике, наш мемуарист очень часто имеет мужество восставать и против таких «традиций», которые, казалось, должны были бы

вполне удовлетворять его, как умеренного либерала. В результате мемуары Боборыкина, в общем, такие мирные и обывательские, во многих своих частях совершенно неожиданно для читателя оказываются разрушительными, разоблачительными, набрасывающими тень скепсиса на многие «великие» имена, даты и события...

Например: «Из людей 40-х, 50-х, 60-х годов, сделавших себе имя в либеральном и даже радикально-революционном мире, один только Огарев еще в Николаевское время отпустил своих крепостных на волю, хотя и не совсем даром. Этого не сделали ни славянофилы, по-тогдашнему распинавшиеся за народ (ни Самарин, ни Алексеевы, ни Киреевские, ни Кошелев), ни И. С. Тургенев, ни М. Е. Салтыков, жестокий обличитель тогдашних порядков, ни даже К. Д. Кавелин, так много работавший за общину и поднятие крестьянского люда во всех смыслах. Не сделал этого и Лев Толстой. И Герцен, хотя фактически и не стал после смерти отца помещиком (имение его было конфисковано), но как домовладелец (в Париже) и капиталист-рантье не сделал ничего такого, что было бы похоже на дар крестьянам, даже и в роде того, на какой пошел его друг Огарев» (180).

Независимо от фактической достоверности этого выпада (в примечаниях на этот счет нет возражений), он очень характерен для деканонизаторской тенденции нашего мемуариста.

Добрая половина воспоминаний (гимназические и студенческие годы), по уверению самого автора, совпадает по материалу с автобиографическим его романом «В путь дорогу», что должно заинтересовать литературоведов-формалистов, интересующихся проблемой беллетристического оформления реального материала.

Написанные очень просто и стилистически бесхитростно мемуары Боборыкина, как и его беллетристика, не являются в целом произведением высокого искусства. Тем не менее, на их страницах попадаются иногда хорошо сделанные литературные портреты, особенно блестящая и великолепная по своей выпуклости характеристика Писемского (на 10 страницах),

без которой впредь не сможет обойтись ни одна монография об этом своеобразном писателе и человеке.

В заключение, чтобы не оставлять в заблуждении покупателя книги, необходимо его предупредить, что заманчивое заглавие: «За полвека» ровно впятеро шире того хронологического отрезка, который в ней дан, ибо, как сказано в предисловии, основной «мемуарный труд Боборыкина ... остался далеко не доведенным до конца», охватывая «приблизительно лишь первые десять лет того пятидесятилетия, рассказать о котором намеревался Боборыкин» (доведен до 1865 г. – Н. П.).

Н. Прянишников